

Словом и талантом

На конкурсе в Театре комедии, посвященном IV Ленинградскому фестивалю молодежи, Лев Лемке читал поэму Р. Рождественского «Спутник». Поэму правдивую и гордую, человечную и высокую.

Помните: маленькие и взрослые, в северной тундре, и на южных морях, слушали люди поэмы первого спутника. Это было чудом. Об этом писали газеты. Это сделали люди.

— ...Земля!

Я спутник!..

В широком объятии распахнуты руки. Как будто вырастает фигура. Валетает звенящий волнением голос...

...В Театр комедии Лев Лемке пришел совсем недавно. Ленинградцы помнят его также по отдельным сценкам в представлении Московского театра миниатюр. Там он — настоящий комический персонаж, мно-

голикий и смешной. Да и вообще все данные, как будто очень убедительно говорят о бесспорной приерженности и принадлежности Лемке к актерам сугубо комедийного жанра. Но вот зазвучали слова поэмы, и актер словно вырос из казалося бы уготованного ему амплуа. С замиранием сердца, с тревогой и волнением слушаем мы, как обращается к нам, людям, летящий в пространстве тысячеверстном спутник: «Земля! Я спутник! Люди! Я спутник»

На конкурсе в театре Лемке оказался победителем. И это не первый успех актера в трудном жанре художественного чтения. Еще в Днепропетровске, где Лев учился в театральном училище, он подготовил несколько вещей для чтения. В Москве, уже работая в театре, он тоже, что называется, сверх программы готовил отдельные номера, читал Бернса и Маяковского, Рождественского и Маршак.

Лемке исполняет поэму «Спутник» не только по-молодому горячо и взволнованно, но и мастерски зрело. Ненавязчиво, но точно актер создает, пластически характеризует образ лирического героя. Голос и жест чтеца создают одну за другой картины истории «древней и вечно юной» Земли. Картины эти окрашены то пропией, то гневом, то мягкостью и нежностью рассказчика.

...Приподнялась рука в римском приветствии: суровый и сверкающий, как будто прогремел дикими, прошумел пирами призраками «империи блеска, империи самого дикого рабства». Вот так же с поднятой рукой зашагали люди-автоматы с черным пауком на рукаве — «империя, третья по счету империя». Согнувшийся, повисший на распятии — не Христос — «доминиканец Джордано Бруно взмошел на костер, как на пьедестал». Точны интонации и жесты, четки и суховаты краски

С. М. Е. Н. Д.
г. Ленинград

1 2 ИЮН 1962

чтеца. Но вот смягчился, потеплел весь тон повествования. Мы в двадцатом веке.

«В нетопленном кабинете Кремля

Встретились
Два мечтателя.
Один
Мечтал
О далеком Марсе,
Бредил грозой
Межпланетной войны.
Другой
Мечтал
Просто о мясе
И хлебе
Для всей страны.
Актер встает. Чуть
приметно меняются
осанка, голос, манеры ак-

тера, и мы узнаем образ В. И. Ленина.

Гордо звучат заключительные слова поэмы. Это авторское кредо и как бы речь самого исполнителя. Ведь и актер словом своим и талантом тоже строит то будущее, о котором мечтает автор поэмы.

Е. КОЛОЯРОВА

На снимке: Л. Лемке читает поэму Р. Рождественского «Спутник».

